

Г.Т. Каженова , Г.Х. Абдыкулова

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан
(E-mail: gabdykulova@mail.ru; gkazhenova@mail.ru)*

Кочевое население Степного края в годы гражданского противостояния: повседневные практики и стратегии выживания (1918 г. — начало 1920 г.)

В статье анализируются повседневные практики и стратегии выживания казахского кочевого населения Степного края в условиях гражданского противостояния 1918 г. — начала 1920 г. Цель исследования заключается в выявлении адаптационных механизмов, обеспечивших сохранение хозяйственной и социальной устойчивости аульных сообществ в период насилия, экономического кризиса и управленческой нестабильности. В ходе исследования выявлены ключевые стратегии выживания, включавшие сохранение скотоводческого хозяйства, пространственную мобильность, экономическое и фискальное маневрирование, отказ от участия в вооруженном противостоянии, а также правовую фиксацию понесенных утрат. Установлены региональные особенности стратегий: в земледельческих уездах Акмолинской области преобладали практики перераспределения продовольственных ресурсов и товарообмена, тогда как в скотоводческих районах Семипалатинской области стратегии концентрировались на сохранении поголовья скота как основы жизнеобеспечения. Сделан вывод о том, что повседневные практики кочевого населения оформились в устойчивую систему адаптивных стратегий, позволивших снизить разрушительное воздействие кризиса и сохранить базовые элементы традиционного уклада в условиях гражданского противостояния.

Ключевые слова: казахское кочевое население, Степной край, гражданское противостояние, Гражданская война, повседневные практики, стратегии выживания, кочевая мобильность, скотоводческое хозяйство, социальная адаптация, история повседневности.

Введение

Вопросы повседневной жизни кочевого населения Степного края в годы гражданского противостояния 1918 г. — начала 1920 г. занимают важное место в современной исторической науке Казахстана в рамках развития социально-исторических, микроисторических и антропологически ориентированных исследований. Несмотря на значительную разработанность военно-политической истории данного периода, вопросы функционирования традиционного кочевого общества в условиях трансформации социальных норм, нарушения хозяйственных циклов и изменения повседневных практик остаются изученными фрагментарно и требуют комплексного междисциплинарного исследования.

Актуальность темы обусловлена тем, что кочевое население составляло значительную часть демографической и экономической структуры Степного края, а его адаптационный потенциал во многом определял уровень устойчивости общества в целом. Гражданское противостояние 1918 г. — начала 1920 г. выступило не только формой политического и военного конфликта, но и глубоким социокультурным кризисом, затронувшим основы традиционного уклада коренного населения. Анализ повседневных практик и стратегий выживания позволяет выявить повседневные практики поддержания устойчивости и жизнеобеспечения казахских локальных сообществ, обеспечившие их сохранение и минимизацию потерь в условиях дезорганизации системы управления, разрушения хозяйственных связей и правовой нестабильности.

В рассматриваемый период кочевое население Степного края оказалось в ситуации многовластия, нестабильности органов управления на местах, локальных вооруженных столкновений, массовых реквизиций скота, засух и бескормицы, сопровождавшихся острым социально-экономическим кризисом. Совокупность этих факторов привела к дезинтеграции устойчивых хозяйственных моделей, перераспределению ресурсов, обострению социальных противоречий и формированию адаптивных форм поведения. Анализ данных процессов позволяет проследить, каким образом традиционное кочевое общество приспособилось к условиям гражданского противостояния, что сопровождалось глубокими изменениями структуры его повседневной жизни.

* Автор-корреспондент. E-mail: gkazhenova@mail.ru

В статье используется термин «гражданское противостояние», что обусловлено спецификой предмета и задачами исследования. Применение данного понятия не отрицает факта Гражданской войны и реального хода боевых действий на территории Степного края, однако позволяет сместить аналитический фокус с военно-политических событий на социальное состояние общества и повседневный опыт населения. Исследование сосредоточено на этапе кризиса, предшествующем институциональному закреплению советской власти, характеризующемся отсутствием устойчивых форм управления, режимом многовластия, конкуренцией властных практик и развертыванием вооруженного противостояния между Красной и Белой армиями в регионе.

Использование термина «гражданское противостояние» позволяет отказаться от жесткой военно-политической периодизации и рассматривать происходившие события как пространство повседневной нестабильности и социальной дезорганизации, в рамках которых протекали боевые действия и формировались адаптивные практики и стратегии выживания кочевого населения.

Хронологические рамки исследования определяются не формально-политическими датами, а моментами структурных изменений повседневных условий существования кочевого населения. Нижняя хронологическая граница относится к 1918 г., когда в условиях распада прежней системы управления, дезинтеграции хозяйственных связей и формирования ситуации многовластия кочевое население Степного края столкнулось с системным кризисом хозяйственной и социальной организации. Именно с этого времени гражданское противостояние приобрело для региона практическое измерение, выразившееся в насилии, реквизициях и нарушении привычных форм жизнеобеспечения, что обусловило трансформацию повседневных практик. События 1917 г., характеризующиеся преимущественно политической трансформацией и институциональным вакуумом, рассматриваются как предкризисный этап, и не включаются в рамки анализа.

Верхняя хронологическая граница исследования определяется концом 1919 — началом 1920 г., когда установление советской власти ознаменовало качественный перелом в системе управления и хозяйственного регулирования. Переход к институционально оформленным формам власти изменил характер повседневного опыта и адаптивных практик кочевого населения, выводя последующие процессы социальной трансформации за рамки рассматриваемого этапа.

Методологически значимой является концепция «долгого времени» (*la longue duree*) Ф. Броделя, в рамках которой хозяйственные и социальные практики интерпретируются как устойчивые структуры, сохраняющие инерционность даже в периоды масштабных политических потрясений [1; 124]. Такой подход позволяет рассматривать кочевой уклад не как пассивную жертву войны, а как социальную систему, обладавшую внутренними ресурсами адаптации, сохранявшимися несмотря на разрушение внешних институтов власти.

Важным аналитическим инструментом выступает феноменологическая социология А. Шюца, акцентирующая внимание на «жизненном мире» (*Lebenswelt*) как пространстве повседневного опыта и принятия практических решений [2; 79, 84]. В этой перспективе рациональность повседневного действия основывается не на идеологических установках, а на использовании коллективно выработанных «рецептов» поведения и прагматической ориентации на снижение рисков [3; 124]. Это позволяет интерпретировать отношение кочевого населения к власти, налоговым изъятиям и мобилизационным требованиям как рациональные формы адаптации, направленные на сохранение жизнедеятельности.

Для анализа повседневных практик в условиях кризиса используется также концепт «тактик повседневности» М. де Серто, позволяющий различать управленческие стратегии власти и неформальные способы действия населения [4; 50]. В этом контексте пространственная мобильность, неформальные экономические связи, маневрирование между требованиями различных властных структур и временный политический нейтралитет рассматриваются как тактики выживания, реализуемые в условиях социальной неопределенности и дефицита ресурсов.

Применение совокупности данных теоретических подходов позволяет рассматривать документальные источники не только как фиксацию кризиса и социальных потерь, но и как свидетельства активных форм социальной адаптации, раскрывающие внутреннюю логику повседневного поведения и стратегий выживания кочевого населения.

Целью исследования является анализ повседневных практик и стратегий выживания кочевого населения Степного края в условиях гражданского противостояния 1918 г. — начала 1920 г., а также выявление их роли в поддержании социальной устойчивости кочевого казахского населения в период кризиса. Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих задач:

охарактеризовать политический и социально-экономический контекст Степного края в 1918 г. — начале 1920 г.; выявить ключевые вызовы и формы нестабильности, с которыми столкнулось кочевое население в условиях гражданского противостояния; проанализировать повседневные практики и адаптивные стратегии, направленные на сохранение социальной сплоченности и поддержание жизнеспособности казахских локальных сообществ.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют неопубликованные архивные материалы 1918 — начала 1920 гг., хранящиеся в Историческом архиве Омской области (Фонд — 1617), ЦГА РК (Фонд — 2300) и Центре документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (Фонд — 48). Ключевое место занимают документы уездных и губернских органов управления Степного края, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. В работе использованы доклады уездных управляющих, материалы земских управ, протоколы совещаний, переписка местных властей, а также жалобы населения, фиксирующие практики реквизиций, продовольственный дефицит и хозяйственные потери. Основной массив источников представлен материалами Исторического архива Омской области, содержащими документацию уездных администраций по вопросам продовольственного обеспечения, налогообложения и социально-экономического положения населения.

Методологическую основу исследования составляют подходы социальной истории, истории повседневности и исторической антропологии, позволяющие анализировать поведение кочевого населения в условиях кризиса через изучение устойчивых практик и форм коллективной адаптации. Повседневность рассматривается как ключевое пространство формирования и воспроизводства моделей поведения, обеспечивающих жизнеспособность кочевых сообществ в экстремальных условиях вооруженного конфликта и социальной дезорганизации.

В исследовании применяются методы качественного анализа исторических источников, ориентированные на реконструкцию повседневных практик и форм социального поведения кочевого населения в условиях гражданского противостояния 1918 — начала 1920 гг. В качестве основных методов используются источниковедческий анализ, контент-анализ и сравнительно-исторический метод, позволяющие выявить устойчивые модели поведения, повторяющиеся мотивы и способы адаптации к кризисной повседневности. Особое внимание уделено анализу административной документации уездного и губернского уровня, что позволило выявить повседневные практики, скрытые за формализованным языком официальных текстов. Сопоставление нормативных предписаний и фактического поведения населения дало возможность реконструировать тактики выживания, направленные на сохранение основ жизнеобеспечения, мобильности и жизнеспособности казахских локальных сообществ.

Таким образом, совокупность примененных методов и использованных источников позволяет осуществить комплексный анализ повседневных практик и тактик выживания кочевого населения Степного края и реконструировать их как целостную модель социальной адаптации в условиях вооруженного и социального кризиса.

Результаты

Степной край представлял собой историко-административный и социально-экономический регион начала XX века, охватывавший Северный и Восточный Казахстан, часть Центрального Казахстана и отдельные районы Западной Сибири. В дореволюционный период он был оформлен как Степное генерал-губернаторство с центром в Омске и включал Акмолинскую и Семипалатинскую области. В годы революции и гражданского противостояния регион в целом сохранял территориальную целостность, трансформировавшись в Омскую и Семипалатинскую губернии. Для него была характерна высокая этническая и социальная неоднородность населения, включавшего казахов, казаков и крестьян-переселенцев, что способствовало усилению социальной напряженности.

Политическая и социально-экономическая ситуация в Степном крае в 1918 — начале 1920 гг. Политическая ситуация в Степном крае в 1918 — начале 1920 гг. формировалась в условиях сильного ослабления управленческих структур и проходила несколько этапов — от распада дореволюционных административных структур и режима многовластия к установлению жестких форм военно-политического контроля. Изменение властных режимов сопровождалось ростом насилия, усилением административного и экономического давления на население, а также постепенным включением региона в орбиту общероссийского гражданского противостояния.

После Февральской революции 1917 г. ликвидация прежнего административного аппарата и упразднение губернаторской власти привели к формированию новой, во многом экспериментальной системы управления. Временное правительство заменило институт губернаторов губернскими комиссарами, упразднило жандармские управления и конно-полицейскую стражу, приступив к созданию милиции как нового органа поддержания порядка и исполнительной власти на местах [5]. Параллельно складывались органы представительства коренного населения — областные, уездные, волостные и аульные исполнительные комитеты, включая Акмолинский областной исполнительный киргизский комитет, учрежденный в мае 1917 г. [6].

Одновременно предпринимались попытки стабилизации управления через создание земских учреждений, рассматривавшихся как относительно универсальная и политически нейтральная форма местного самоуправления в условиях распада прежнего государственного порядка [7]. Однако данные меры не смогли предотвратить дальнейшую фрагментацию власти и нарастание управленческой неопределенности на местах.

После Октябрьского переворота 1917 г. политическая ситуация в Степном крае вступила в фазу острого кризиса. Установление советской власти происходило неравномерно и сопровождалось вооруженным противостоянием. На значительной части территории края продолжали действовать земские структуры, органы Временного правительства, а также национальные институты Алаш-Орды. В результате в течение 1918 г. в регионе сложился режим фактического многовластия, при котором различные центры власти — местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Временное Сибирское правительство и Алаш-Орда — одновременно претендовали на контроль над одними и теми же территориями.

Архивные документы свидетельствуют, что в этот период казахское население находилось в состоянии политического самоопределения и выработывало прагматичные модели поведения, ориентированные на минимизацию рисков. Поддержка, оказываемая структурам Алаш-Орды и Временному Сибирскому правительству, носила в значительной степени вынужденный характер и была обусловлена стремлением сохранить относительную безопасность в условиях отсутствия устойчивой власти [8]. Гибкость политического поведения проявлялась и в деятельности аульных сходо, где одновременно декларировалась лояльность различным властным центрам и выражалась надежда на обретение национальной автономии [9].

К осени 1918 г. режим многовластия в Степном крае сменился установлением военной диктатуры адмирала А.В. Колчака. После ноябрьского переворота 1918 г. в Омске Акмолинская и Семипалатинская области оказались в зоне прямого контроля колчаковского правительства, превратившись в тыловые территории Белого движения. Переход к диктатуре сопровождался усилением централизованного управления, милитаризацией гражданской жизни и подчинением региональной политики задачам ведения войны против Красной армии.

Установление колчаковского режима не привело к стабилизации положения населения Степного края в целом, включая коренное казахское население. Напротив, переход от режима многовластия к жесткой военно-административной модели управления означал для казахских аулов усиление структурного давления и резкое сужение пространства для повседневного маневра. Если в условиях многовластия кочевое население сохраняло возможность гибко выстраивать взаимодействие с различными центрами власти, то в период диктатуры подобная адаптивная гибкость постепенно утрачивалась.

В 1919 г. Акмолинская и Семипалатинская области окончательно закрепились в качестве тыловых территорий Белого движения и были включены в систему военного снабжения армии, что определяло приоритеты деятельности гражданской администрации. Экономическая политика приобрела выраженно мобилизационный характер и была ориентирована прежде всего на обеспечение фронта. В этих условиях население Степного края в целом рассматривалось как источник ресурсов, подлежащих изъятию в интересах военных нужд, при этом кочевое казахское население оказывалось в наиболее уязвимом положении. Именно в этот период социально-экономическое положение кочевого населения резко ухудшилось. Архивные материалы фиксируют широкое распространение принудительных реквизиций скота и продовольствия для снабжения Белой армии. Как следует из протоколов совещаний уездных управ, в случае сопротивления населению угрожало применение военной силы, а в помощь милиции направлялись вооруженные отряды [10].

Усиление административного нажима сопровождалось ростом социальной напряженности. Обострились земельные конфликты с русским крестьянским и казачьим населением, участились случаи самовольных захватов сенокосных угодий и имущества, что фиксируется в документах земских управ

[11-12]. Эти конфликты, как правило, имели хозяйственную природу, однако в условиях отсутствия эффективных механизмов правового регулирования нередко перерастали в открытые столкновения.

Особо уязвимым положение казахов становилось в контактах с представителями власти и вооруженными формированиями. Фактическая безнаказанность местных чинов, злоупотребления со стороны милиции и военных приобрели устойчивый характер. Архивные документы фиксируют случаи физического насилия, произвольного изъятия имущества, оскорблений и унижений, а также ощущение полной незащищенности [13]. Подобный опыт напрямую влиял на способы повседневного поведения, определяя выбор тактик избегания, приспособления и выживания.

Хозяйственный кризис, вызванный войной, реквизициями и нарушением традиционных экономических циклов, сочетался с тяжелыми природными условиями. Падеж скота, вызванный суровыми зимами, бескормицей и гололедом, приобрел катастрофические масштабы, что фиксируется в отчетных документах административных органов и служебных записках уполномоченных [14]. В результате к концу 1919 г. значительная часть казахского населения оказалась в состоянии крайнего обнищания. Процессы хозяйственного разорения и утраты традиционных источников жизнеобеспечения носили системный и нарастающий характер, затронув не только беднейшие, но и ранее относительно зажиточные хозяйства. Разрушение кочевого уклада выражалось не только в сокращении поголовья скота, но и в деградации культуры повседневного быта.

Доклад статского советника Сейдалина за июль 1919 г. дает наглядное представление о степени социального упадка, в котором оказались казахские аулы. Автор отмечал, что «бросилась в глаза безотрадная картина экономической действительности», где бедные казахи «донашивали оставшиеся у них от прежних годов лохмотья», превратившиеся в «гниющее тряпье», становившееся очагом антисанитарии и болезней [13]. Упоминание о ношении плохо выделанных шкур без нижнего белья свидетельствует не только о материальной нищете, но и о разрушении элементарных бытовых норм. Подобные свидетельства указывают на переход значительной части населения к стратегии краткосрочного физического выживания, при которой разрушались долгосрочные основы хозяйственного воспроизводства.

Повседневные практики и стратегии выживания казахского кочевого населения. В рамках настоящего исследования проводится аналитическое разграничение между повседневными практиками и стратегиями выживания. Под повседневными практиками понимаются устойчивые и регулярно воспроизводимые формы хозяйственного и социального поведения, посредством которых кочевое население организовывало повседневную жизнь аульных сообществ и обеспечивало воспроизводство базовых элементов кочевого уклада в условиях кризиса.

Стратегии выживания рассматриваются как более высокий уровень социальной адаптации, формировавшийся через сочетание и целенаправленное использование повседневных практик. Они представляли собой совокупность осознанных и полусознанных моделей поведения, направленных на сохранение жизнедеятельности, снижение рисков и поддержание социальной устойчивости. В этом смысле повседневные практики отражали уровень конкретных повседневных действий и форм поведения, отвечая на вопрос «что и как» делалось, тогда как стратегии выживания фиксировали их направленность и адаптивную логику — «зачем и в каком направлении» осуществлялись данные действия.

Экономические стратегии выживания. Военные события и социально-экономический кризис коренным образом изменили условия жизни кочевого населения Акмолинской и Семипалатинской губерний, подчиняя повседневность задаче выживания. В этих условиях формировались хозяйственные формы приспособления, направленные на сохранение основы жизнеобеспечения и социальной устойчивости. В земледельческих уездах Акмолинской области, где хлебопашество оставалось одной из ключевых форм хозяйственной деятельности, экономическая ситуация в годы гражданского противостояния отличалась высокой нестабильностью. Неурожай, разрыв хозяйственных связей, рост цен и дефицит продовольствия сформировали условия затяжного продовольственного кризиса. В этих условиях важнейшей стратегией выживания казахского населения стало экономическое маневрирование, основанное на товарообмене и использовании межрегиональных торговых маршрутов.

Официальные документы фиксируют вывоз хлеба за пределы уездов и его обмен на промышленные товары первой необходимости. Так, управляющий Атбасарским уездом в феврале 1919 г. отмечал: «Продовольственный вопрос находится в неблагоприятном положении, как в виду неурожая, так и потому, что много хлеба вывозится киргизами в Туркестанский край и обменивается на мануфактуру...» [15]. Схожая ситуация наблюдалась и в Акмолинском уезде, где дефицит хлеба усугуб-

лялся его вывозом в Семиреченскую область, несмотря на попытки регулирования со стороны местной администрации [16].

Иная модель выживания складывалась в скотоводческих районах Семипалатинской области, где хозяйство казахского населения было основано преимущественно на одном виде хозяйственной деятельности. Документы за 1918 г. по Кокпектинскому району прямо указывают на отсутствие земельного и структурную зависимость от ввоза продовольствия извне [17]. В этих условиях стратегия выживания основывалась на сохранении скотоводческого хозяйства как единственной основы жизнеобеспечения. Единственным реальным ресурсом обмена оставалась продукция животноводства: «Избытком в районе являлись только кожи, шерсть, мясо, которое в большинстве случаев шло от кочевого населения». Узкая хозяйственная специализация скотоводческих районов объективно снижала возможности выполнения фискальных и мобилизационных повинностей, что осознавалось и представителями белой администрации. В докладе по Кокпектинскому району в начале 1919 г. прямо указывалось, что «...возложенную разверстку на Кокпектинский район... ни в коем случае выполнить не по силам...» [17].

В этих условиях центральным элементом стратегий выживания становилось хозяйственное самосохранение, основанное на защите скота как основы жизнеобеспечения. Именно сохранение поголовья определяло структуру повседневных решений и допустимые формы поведения кочевого населения. Утрата скота означала не просто экономический ущерб, но подрыв базовых условий существования и воспроизводства аульных сообществ. Осознание данной зависимости фиксируется и в документах властных структур. Так, в отношении Семипалатинской областной земской управы подчеркивалось: «...у кочевого [населения] скот не поправится ранее 1 июня, и взять этот последний скот — значит обречь население на голод» [18].

Кочевая мобильность и откочевка. Кочевая мобильность в условиях гражданского противостояния оставалась важным элементом хозяйственной практики кочевого населения Степного края. Несмотря на боевые действия и усиление административного контроля, сезонные перекочевки продолжали воспроизводиться как базовый механизм организации скотоводческого хозяйственного цикла. Кочевое население сохраняло практику выхода на летние пастбища, остававшейся ключевым компонентом скотоводческой экономики. Документы земских органов фиксируют «время усиления кочевого населения на летовках, что облегчало фактическую проверку списков кибитковладельцев» [19], подчеркивая двойственный характер пространственной концентрации населения: она одновременно обеспечивала воспроизводство хозяйства и облегчала административный учет.

Источники также фиксируют практики временного ухода аульных групп со скотом в горные и труднодоступные районы. Данные перемещения носили массовый характер и были направлены на снижение хозяйственных и социальных рисков. Так, в информации уездного инструктора о политических настроениях наиболее активной части населения Зайсанского уезда за период с 29 июля по 14 августа 1918 г. отмечалось, что «...некоторые аборигены уходят со своим скотом в горы и возвращаются только в половине июля». Упоминание о том, что «...киргизы и татары... уходят со своим скотом в горы...», указывает на коллективную природу данной формы мобильности [20].

В отличие от регулярных сезонных перекочевков, откочевка носила ситуативный и вынужденный характер, непосредственно связанный с условиями гражданского противостояния. Она позволяла сохранять скотоводческий цикл, минимизировать риски реквизиций и мобилизаций, избегать прямых столкновений с вооруженными формированиями и дистанцироваться от конкурирующих властных структур.

Маневрирование в условиях налоговых изъятий и повинностей. Налоговые изъятия и повинности являлись одним из наиболее ощутимых факторов дестабилизации повседневной жизни кочевого населения в годы гражданского противостояния. Архивные материалы фиксируют слабую собираемость налогов, многочисленные ходатайства об отсрочках и требования пересмотра налоговых обязательств, что свидетельствует о стремлении населения адаптироваться к усиливающемуся фискальному давлению в институционально допустимых формах. Так, из Акмолинского уезда сообщалось: «Несмотря на энергичное принятие мер к принуждению населения к взносу податей, все же подати поступают в казначейство весьма слабо» [21].

Особо тяжелым фактором оставалось сохранение кибитки в качестве фискальной единицы без учета демографических потерь. В результате налоговая нагрузка перераспределялась на оставшихся членов общины. Протокол совещания управляющих уездами Семипалатинской области «О мерах к успешному взысканию с населения государственных податей и земских сборов» от 2 февраля 1919 г.

фиксирует: «В настоящее время при взыскании повинностей с киргизского населения не учитывается убыль в промежутке времени между переучетами податных единиц... Таким образом, наличное число кибитковладельцев уплачивает повинности и за убитых...». В ответ на данную ситуацию земские управы регистрировали просьбы о переучете кибитков. В документах подчеркивалось стремление исключить из налогового оклада кибитковладельцев, хозяйства которых были ликвидированы вследствие гибели или полного разорения [19].

Нейтралитет и отказ от вооруженного участия. Одной из ключевых стратегий выживания кочевого населения в условиях гражданского противостояния стало дистанцирование от политической борьбы и вооруженного участия. В ситуации частой смены властных режимов и неопределенности политических перспектив вовлеченность в конфликт значительно повышала риски для отдельного хозяйства и аула в целом. Для большинства кочевников определяющим фактором являлся не характер власти, контролировавшей территорию, а степень экономического давления и угрозы традиционному укладу. Архивные источники прямо фиксируют подобную установку. В одном из документов отмечалось: «Для большинства безразлично, в чьих руках власть, лишь бы не был задет их собственный карман...» [22]. Подобные свидетельства указывают на прагматичную ориентацию кочевого населения на сохранение хозяйственной устойчивости и минимизацию потерь в условиях политической нестабильности.

Практическим выражением данной стратегии становился отказ от участия в вооруженных формированиях и уклонение от военной службы. Документы земских органов фиксируют подобные формы поведения. Так, в сообщении Семипалатинской уездной земской управы от 18 июля 1918 г. о сопротивлении мобилизации в алашординский отряд отмечалось, что жители Уваковской волости «...убедили население не давать ни одного милиционера...» [23]. Ориентация на нейтралитет была тесно связана с хозяйственной спецификой кочевого населения. Скотоводческий характер хозяйства объективно ограничивал возможность длительного отсутствия трудоспособных мужчин без разрушения производственного цикла, что усиливало стремление к уклонению от мобилизации и сохранению трудовых ресурсов аула [20].

Использование правовых механизмов. Существенным элементом стратегий выживания кочевого населения стали попытки правовой фиксации материальных утрат в надежде на их возможное возмещение. В условиях насилия и произвольных изъятий скота и имущества обращение кочевников с жалобами в земские органы выступало практически единственным доступным способом защиты. Даже при низкой результативности подобные обращения использовались для документальной фиксации утрат и сохранения их формального правового статуса.

Архивные источники фиксируют распространенность подобных практик. Так, в одном из протоколов Атбасарской уездной земской управы зафиксировано сообщение «о самовольном захвате имущества у киргиза... 4 лошадей, 1 хомута и 800 рублей денег» [24]. Хотя эффективность подобных процедур оставалась ограниченной, сам факт их систематического использования свидетельствует о стремлении кочевого населения сохранить хотя бы минимальные правовые гарантии хозяйственного существования в условиях разрушения привычных форм социальной и административной регуляции.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют рассматривать повседневные практики кочевого населения Степного края в годы гражданского противостояния 1918 г. — начала 1920 г. не как разрозненные и ситуативные реакции на кризис, а как целостную систему адаптивного поведения, формировавшуюся в условиях глубоких структурных трансформаций общества. В данном разделе осуществляется интерпретация выявленных стратегий выживания с опорой на подходы истории повседневности, социальной феноменологии и концепции «тактик повседневности», что позволяет выявить внутреннюю логику принимаемых решений и показать рациональный характер повседневного выбора в условиях насилия, хозяйственного разорения и управленческой нестабильности. Анализ сосредоточен на выявлении устойчивых моделей поведения и их роли в обеспечении социальной устойчивости кочевого казахского общества в экстремальных условиях гражданского противостояния.

Структурные условия кризиса. Обнищание казахского населения в годы гражданского противостояния выступало не побочным эффектом военных действий, а одним из их структурных проявлений. Оно формировалось под воздействием реквизиций, разрушения хозяйственных циклов и отсутствия действенных форм социальной защиты, создавая условия системного кризиса повседневной

жизни. Архивные материалы свидетельствуют о том, что уже в данный период бедность приобретала массовый и устойчивый характер, радикально трансформируя условия существования казахских аулов и формируя социальную среду, в рамках которой вырабатывались специфические практики и стратегии выживания.

Повседневность как пространство адаптации. В условиях системного социально-экономического кризиса повседневность кочевого населения становилась ключевым пространством социальной адаптации, в рамках которого сохранялись устойчивые элементы традиционного уклада и одновременно вырабатывались гибкие тактики реагирования на кризисные обстоятельства. Применение аналитического разграничения между повседневными практиками и стратегиями выживания позволяет рассматривать данные процессы не как хаотичную реакцию на разрушение привычного порядка, а как упорядоченное социальное поведение, ориентированное на сохранение жизнеспособности аульных сообществ. Подобный подход соотносится с выводами современных исследований, рассматривающих традиционное казахское общество как социально упорядоченную систему, в которой повседневные практики и формы хозяйственного поведения обеспечивали воспроизводство социальной устойчивости даже в условиях кризисных изменений [25; 59-60].

Выявленные различия в экономических стратегиях выживания казахского населения Акмолинской и Семипалатинской губерний свидетельствуют о выраженно дифференцированном характере адаптации к условиям гражданского противостояния. В земледельческих уездах данные стратегии опирались на перераспределение продовольственных ресурсов и использование рыночных возможностей в условиях ослабления административного контроля, тогда как в скотоводческих районах они сводились к хозяйственному самосохранению и минимизации любых форм изъятия. С позиций теории повседневности и концепции «тактик выживания» подобные формы поведения могут быть интерпретированы как рациональные и адаптивные модели, направленные на сохранение жизнедеятельности аульных сообществ в условиях системного кризиса. Различия в стратегиях отражают неоднородность социально-экономического пространства Степного края и подтверждают, что повседневные практики кочевого населения формировались в тесной зависимости от структуры хозяйства, ресурсной базы и степени включенности в межрегиональные обменные связи.

Важным элементом данной системы адаптации выступала пространственная мобильность. Выявленные формы кочевой мобильности и откочевки позволяют рассматривать кочевой уклад не только как традиционную хозяйственно-культурную основу, но и как адаптивный ресурс выживания в условиях вооруженного и социального кризиса. В логике концепции «долгого времени» Ф. Броделя [1; 124] кочевая мобильность предстает устойчивым структурным элементом, сохранявшим инерцию даже в условиях масштабных политических и военных потрясений.

С позиций концепции «тактик повседневности» М. де Серто [4; 50] сезонные перекочевки и откочевка могут быть интерпретированы как формы адаптивного маневрирования, позволявшие оптимизировать доступ к пастбищным ресурсам, варьировать маршруты передвижения и в отдельных случаях снижать интенсивность административного и военного контроля. Тем самым пространственная мобильность превращалась в повседневную стратегию выживания, не выходящую за рамки привычных форм хозяйственного поведения, но наполнявшуюся новыми адаптационными смыслами в условиях управленческой нестабильности.

Маневрирование в условиях налоговых изъятий и повинностей также выступало важной составляющей данной адаптивной системы. Выявленные формы налогового поведения позволяют рассматривать реакцию кочевого населения не как пассивное уклонение от повинностей, а как осознанное маневрирование, направленное на минимизацию потерь и сохранение хозяйственного потенциала общины. В логике феноменологического подхода А. Шюца [3; 124] данные практики могут быть интерпретированы как проявление повседневной рациональности, ориентированной на поддержание жизнедеятельности в условиях кризиса.

Обращение к правовым механизмам дополняло данный комплекс адаптивных практик. Попытки правовой фиксации утрат могут быть интерпретированы как форма «легального сопротивления», характерная для тактик повседневности в условиях разрушения привычных форм социальной и административной регуляции. Даже при ограниченной результативности данные действия позволяли сохранять минимальные правовые гарантии хозяйственного существования и документально закреплять понесенные потери.

Нейтралитет и социальная устойчивость. Особое значение в системе стратегий выживания приобретала ориентация кочевого населения на политический нейтралитет и отказ от вооруженного

участия. Выявленные формы поведения позволяют интерпретировать данную установку не как проявление апатии или политической пассивности, а как осознанный адаптивный выбор, направленный на снижение рисков насилия и разрушения хозяйственного цикла.

С позиций феноменологического подхода данная стратегия может быть рассмотрена как ориентация на «жизненный мир», в рамках которого приоритетными являлись повседневные задачи жизнеобеспечения и поддержания социальной целостности общины. Отказ от политического и вооруженного участия позволял сохранять трудовые ресурсы аула, минимизировать давление со стороны смежных властных структур и поддерживать относительную автономию локальных сообществ в условиях крайней нестабильности.

В совокупности выявленные повседневные практики формировали целостный комплекс адаптивных стратегий, включавших экономическое самосохранение, сохранение мобильности и скотоводческого уклада, фискальное маневрирование, дистанцирование от вооруженного участия и правовую фиксацию понесенных утрат. Эти стратегии не устраняли последствий кризиса, однако позволяли существенно снизить его разрушительное воздействие и сохранить базовые элементы кочевого уклада в условиях социальной и управленческой нестабильности. Полученные результаты подчеркивают значимость внутренних адаптационных ресурсов казахского общества в обеспечении выживания и социальной устойчивости в условиях кризиса, что концептуально соотносится с ранее сформулированными в работах одного из соавторов положениями [26].

Использование подходов истории повседневности, социальной феноменологии и концепции «тактик повседневности» позволяет рассматривать выявленные стратегии не как стихийную реакцию на кризис, а как устойчивую модель социального поведения. Экономический обмен, мобильность, обход налоговых изъятий, нейтралитет и правовая фиксация утрат образовывали систему выживания, обеспечившую относительную устойчивость кочевого общества в условиях гражданского противостояния.

Выводы

Повседневные практики и стратегии выживания казахского кочевого населения Степного края в условиях гражданского противостояния 1918 г. — начала 1920 г. формировались в пространстве глубокого социально-экономического и управленческого кризиса, вызванного распадом дореволюционных институтов, режимом многовластия и последующей милитаризацией управления. Военные действия, мобилизационная экономическая политика и усиление административного давления трансформировали условия повседневной жизни, радикально сузив возможности хозяйственного воспроизводства и обострив уязвимость кочевых аульных сообществ.

Переход от многовластия к жесткой военно-административной модели управления сопровождался усилением реквизиционных практик, ростом фискальной нагрузки и насилия, что способствовало массовому обнищанию и разрушению традиционных хозяйственных циклов. В этих условиях повседневность кочевого населения приобретала характер пространства адаптации, в рамках которого воспроизводились устойчивые формы поведения, направленные на сохранение жизнедеятельности и социальной устойчивости. Экономическое самосохранение, защита поголовья скота, использование межрегионального обмена, сохранение кочевой мобильности и откочевки, фискальное маневрирование и обращение к правовым механизмам образовывали взаимосвязанную систему адаптивных стратегий.

Дифференцированный характер данных стратегий отражал неоднородность социально-экономического пространства Степного края. В земледельческих районах Акмолинской губернии доминировали формы перераспределения продовольственных ресурсов и использование торговых связей, тогда как в скотоводческих районах Семипалатинской губернии приоритетным оставалось хозяйственное самосохранение и минимизация любых форм изъятия. Структура хозяйства и ресурсная база определяли границы допустимого повседневного маневра и специфику адаптационного поведения. Существенным элементом данной системы выступала пространственная мобильность. Сезонные перекочевки и ситуативная откочевка сохраняли значение не только как традиционная форма организации хозяйственного цикла, но и как адаптивный ресурс, позволявший снижать риски реквизиций, мобилизаций и прямых столкновений с вооруженными формированиями. Кочевой уклад в этих условиях сохранял инерцию «долгого времени», одновременно наполняясь новыми социальными и адаптационными смыслами. Важное место в стратегиях выживания занимала ориентация на политический нейтралитет и отказ от вооруженного участия. Данная установка выступала формой ра-

ционального выбора, обусловленного стремлением сохранить хозяйственный цикл и трудовые ресурсы аула в условиях неопределенности и частой смены властных режимов. Нейтралитет позволял минимизировать социальные риски и поддерживать относительную автономию локальных сообществ, не вовлекаясь в прямое вооруженное противостояние.

В совокупности повседневные практики и стратегии выживания формировали устойчивую модель социального поведения, обеспечивавшую сохранение базовых элементов кочевого уклада и социальной целостности аульных сообществ в условиях насилия и хозяйственного разорения. Экономическое маневрирование, мобильность, фискальная адаптация, дистанцирование от вооруженного участия и правовая фиксация утрат выступали ключевыми механизмами социальной устойчивости, отражая значительный внутренний адаптационный потенциал казахского общества в экстремальных условиях гражданской войны.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Казахское кочевое население Степного края в годы гражданского противостояния (1918–1921 гг.): стратегии выживания» (регистрационный номер: AP26103039)

Список литературы

- 1 Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая деятельность / Ф. Бродель // *Философия и методология истории*. — М.: Прогресс, 1977. — С. 115–142.
- 2 Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира / А. Шюц // *Вопросы социальной теории*. — 2008. — Том II. — Вып. 1(2). — С. 72–87.
- 3 Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц; сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.
- 4 Серто Мишель де. Изобретение повседневности. Искусство делать / де Мишель Серто; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 330 с.
- 5 Исторический архив Омской области (далее — ИАОО). — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 58. — Л. 25.
- 6 ИАОО. — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 126. Л. 4, 7, 13–13 об.
- 7 Каженова Г.Т. Организация органов земского самоуправления в Степном крае (1917–1919 гг.) / Г.Т. Каженова // *Гуманитарные науки в Сибири*. — 2018 г. — Том 25, № 1. — С. 11–18.
- 8 Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). — Ф. 2300. — Оп. 9. — Д. 4. — ГАРФ. — Ф. 1701. — Оп. 1. — Д. 6а. — Л. 53.
- 9 Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (далее — ЦДНИ ВКО). — Ф. 48. — Оп. 1. — Д. 96. — Л. 20–21.
- 10 ЦДНИ ВКО. — Ф. 48. — Оп. 1. — Д. 178. — Л. 68–70.
- 11 ИАОО. — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 133. — Л. 103–103 об.
- 12 ЦГА РК. — Ф. 2300. — Оп. 9. — Д. 4. — Л. 56.
- 13 ИАОО. — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 73. — Л. 69–69 об.
- 14 ЦГА РК. — Ф. 2300. — Оп. 9. — Д. 4. — ГАРФ. — Ф. Р-1701. — Оп. 1. — Д. 66. — Л. 172–172 об.
- 15 ИАОО. — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 6 об.
- 16 ИАОО. — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 1–8 об.
- 17 ЦДНИ ВКО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 5–6.
- 18 ЦДНИ ВКО. — Ф. 48. — Оп. 1. — Д. 195. — Л. 22.
- 19 ЦДНИ ВКО. — Ф. 48. — Оп. 1. — Д. 178. — Л. 70.
- 20 ЦДНИ ВКО. — Ф. 37. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 67.
- 21 ИАОО. — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 6.
- 22 ИАОО. — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 7.
- 23 ЦДНИ ВКО. — Ф. 37. — Оп. 1. — Д. 126. — Л. 22.
- 24 ИАОО. — Ф. 1617. — Оп. 1. — Д. 133. — Л. 103–103 об.
- 25 Yermenbayeva G. Theoretical and methodological aspects of the social status of bais in Kazakh society / G. Yermenbayeva, G. Sultangazy, Ye. Medeubayev // *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*. — 2024. — No. 2(147). — P. 57–76.

Г.Т. Каженова, Г.Х. Абдыкулова

Азаматтық қарсыласу жылдарындағы Дала өлкесінің көшпелі халқы: күнделікті тәжірибелер мен тіршілік ету стратегиялары (1918–1920 ж.ж. басы)

Мақалада 1918–1920 жылдардың басындағы азаматтық қарсыласу жағдайында Дала өлкесіндегі қазақ көшпелі халқының күнделікті тәжірибелері мен тіршілік ету стратегиялары талданған. Зерттеудің мақсаты — зорлық-зомбылық, экономикалық дағдарыс және басқарушылық тұрақсыздық жағдайында ауылдық қауымдастықтардың шаруашылық және әлеуметтік орнықтылығын қамтамасыз еткен бейімделу тетіктерін анықтау. Зерттеу барысында тіршілік етудің негізгі стратегиялары анықталды, олардың қатарына мал шаруашылығын сақтау, кеңістіктік мобильділік, экономикалық және қазыналық реттеу, қарулы қарсыласуға қатысудан бас тарту, сондай-ақ келтірілген шығындарды құқықтық тұрғыдан тіркеу жатады. Стратегиялардың аймақтық ерекшеліктері айқындалды: Ақмола облысының егіншілік уездерінде азық-түлік ресурстарын қайта бөлу мен тауар айырбасы тәжірибелері басым болса, Семей облысының мал шаруашылығы басым аудандарында тіршілік ету стратегиялары өмір сүрудің негізгі көзі ретінде мал басын сақтауға шоғырланды. Қорытындылай келе, көшпелі халықтың күнделікті тәжірибелері дағдарыстың жойқын салдарын азайтуға және азаматтық қарсыласу жағдайында дәстүрлі өмір салтының негізгі элементтерін сақтауға мүмкіндік берген орнықты бейімделу стратегияларының тұтас жүйесіне айналғаны анықталды.

Кілт сөздер: қазақ көшпелі халқы, Дала өлкесі, азаматтық қарсыласу, Азамат соғысы, күнделікті тәжірибелер, тіршілік ету стратегиялары, көшпелі мобильділік, мал шаруашылығы, әлеуметтік бейімделу, күнделікті өмір тарихы.

G.T. Kazhenova, G.Kh. Abdykulova

The Nomadic Population of the Steppe Region during the Civil Confrontation: Everyday Practices and Survival Strategies (1918 — early 1920s)

The article examines the everyday practices and survival strategies of the Kazakh nomadic population of the Steppe Region under the conditions of the Civil confrontation from 1918 to the early 1920s. The aim of the study is to identify the adaptive mechanisms that ensured the preservation of economic and social stability of aul communities during a period of violence, economic crisis, and administrative instability. The study identifies key survival strategies, including the preservation of livestock husbandry, spatial mobility, economic and fiscal maneuvering, refusal to participate in armed confrontation, and the legal documentation of incurred losses. Regional specificities of these strategies are revealed: in the agrarian districts of Akmola Oblast, practices of food redistribution and commodity exchange predominated, whereas in the livestock-oriented areas of Semipalatinsk Oblast, survival strategies were concentrated on preserving livestock numbers as the basis of subsistence. It is concluded that the everyday practices of the nomadic population were transformed into a stable system of adaptive strategies that made it possible to mitigate the destructive impact of the crisis and preserve the basic elements of the traditional way of life under conditions of civil confrontation.

Keywords: Kazakh nomadic population; Steppe Region; civil confrontation; Civil War; everyday practices; survival strategies; nomadic mobility; livestock husbandry; social adaptation; history of everyday life.

References

- 1 Braudel, F. (1977). *Istoriia i obshchestvennye nauki. Istoricheskaia deiatel'nost'* [History and the social sciences. Historical activity]. *Filosofii i metodologii istorii — Philosophy and methodology of history*, 115–142. Moscow: Progress [in Russian].
- 2 Schutz, A. (2008). *Nekotorye struktury zhiznennogo mira* [Some structures of the life-world]. *Voprosy sotsialnoi teorii — Journal of Social Theory*, 2, Issue 1(2), 72–87 [in Russian].
- 3 Schutz, A. (2003). *Smyslovaia struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The phenomenological structure of the everyday world: Essays in phenomenological sociology]. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie» [in Russian].
- 4 De Certeau, M. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. Iskusstvo delat* [The practice of everyday life: The art of doing]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge [in Russian].
- 5 IAO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 58. — L. 25 [in Russian].

- 6 IAOO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 126. — L. 4, 7, 13–13 ob. [in Russian].
- 7 Kazhenova, G.T. (2018). Organizatsiia organov zemskogo samoupravleniia v Stepnom krae (1917–1919 gg.) [Organization of zemstvo self-government bodies in the Steppe Region (1917–1919)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanities in Siberia*, 25(1), 11–18 [in Russian].
- 8 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 2300. — Op. 9. — D. 4; GARF [State Archive of the Russian Federation]. — F. 1701. — Op. 1. — D. 6a. — L. 53 [in Russian].
- 9 TsDNI VKO [Center for Documentation of Contemporary History of East Kazakhstan Region]. — F. 48. — Op. 1. — D. 96. — L. 20–21 [in Russian].
- 10 TsDNI VKO [Center for Documentation of Contemporary History of East Kazakhstan Region]. — F. 48. — Op. 1. — D. 178. — L. 68–70 [in Russian].
- 11 IAOO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 133. — L. 103–103 ob. [in Russian].
- 12 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 2300. — Op. 9. — D. 4. — L. 56 [in Russian].
- 13 IAOO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 73. — L. 69–69 ob. [in Russian].
- 14 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 2300. — Op. 9. — D. 4; GARF [State Archive of the Russian Federation]. — F. R-1701. — Op. 1. — D. 6b. — L. 172–172 ob. [in Russian].
- 15 IAOO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 30. — L. 6 ob. [in Russian].
- 16 AOO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 30. — L. 1–8 ob. [in Russian].
- 17 TsDNI VKO [Center for Documentation of Contemporary History of East Kazakhstan Region]. — F. 1. — Op. 1. — D. 7. — L. 5–6 [in Russian].
- 18 TsDNI VKO [Center for Documentation of Contemporary History of East Kazakhstan Region]. — F. 48. — Op. 1. — D. 195. — L. 22 [in Russian].
- 19 TsDNI VKO [Center for Documentation of Contemporary History of East Kazakhstan Region]. — F. 48. — Op. 1. — D. 178. — L. 70 [in Russian].
- 20 TsDNI VKO [Center for Documentation of Contemporary History of East Kazakhstan Region]. — F. 37. — Op. 1. — D. 6. — L. 67 [in Russian].
- 21 IAOO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 30. — L. 6 [in Russian].
- 22 IAOO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 30. — L. 7 [in Russian].
- 23 TsDNI VKO [Center for Documentation of Contemporary History of East Kazakhstan Region]. — F. 37. — Op. 1. — D. 126. — L. 22 [in Russian].
- 24 IAOO [Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 1617. — Op. 1. — D. 133. — L. 103–103 ob. [in Russian].
- 25 Yermenbayeva, G., Sultangazy, G., & Medeubayev, Ye. (2024). Theoretical and methodological aspects of the social status of bais in Kazakh society. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*, 2(147), 57–76.
- 26 Kazhenova, G.T. (2025). Rodoplemennaia struktura i traditsionnye instituty kazakhskogo obshchestva kak faktory vyzhivaniia i sotsialnoi ustoichivosti [Clan structure and traditional institutions of Kazakh society as factors of survival and social resilience]. *Turkic Studies Journal*, 4, 67–88.

Сведения об авторах

Каженова Гульнар – к.и.н., доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

Абдыкулова Гүлжанар – PhD, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-8403-072X>

Information about the authors

Kazhenova Gulnar – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

Abdykulova Gulzhanar – PhD, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-8403-072X>